

О СООТНОШЕНИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Семён СИЛАЕВ,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Кемеровского государственного университета

Иван КОВЫЛОВ,

выпускник юридического факультета Кемеровского государственного университета

Summary

The paper is devoted to analysis of objective and subjective elements of corpora delictorum of human trafficking and slave labour exploitation. On the basis of comparison of these two criminal prohibitions accompanied with some elements of comparative legal study and critiques of universal approaches to criminalisation of the slavery and human trafficking, it is argued that the Article 127¹ and the Article 1272 of the Penal Code of the Russian Federation cannot be treated neither as *lex generalis* and *lex specialis*, nor as *lex primaria* and *lex subsidiaria*; therefore, antisocial activities provided there should be considered as separate (though interrelated) criminal offences.

Key words: exploitation, human trafficking, slave labour, slavery.

Аннотация

В статье рассматриваются объективные и субъективные признаки составов торговли людьми и использования рабского труда. На основе сопоставления двух уголовно-правовых запретов с применением элементов сравнительно-правового исследования и критики универсальных подходов к криминализации порабощения, рабовладения и работорговли делается вывод о невозможности соотнесения статей 127¹ и 1272 Уголовного кодекса Российской Федерации ни как общей и специальной норм, ни как части и целого, в связи с чем предлагается рассматривать предусмотренные ими общественно опасные деяния в качестве самостоятельных, хотя и взаимосвязанных преступлений.

Ключевые слова: торговля людьми, рабство, рабский труд, эксплуатация.

Постановка проблемы. На протяжении 1990–2000-х гг. в законодательстве практически всех европейских государств появились нормы об уголовной ответственности за торговлю людьми и связанные с ней преступления. Не стала исключением и Россия: на основании Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен двумя новыми статьями: «Торговля людьми» (ст. 127¹) и «Использование рабского труда» (ст. 127²). За прошедшие с тех пор более чем 10 лет в стране было опубликовано бесчисленное множество научных и научно-практических статей, комментирующих и проблематизирующих данные законодательные решения, защищено несколько десятков диссертаций, посвящённых уголовно-правовым и криминологическим аспектам торговли людьми и использования рабского труда. Сами вы-

шеназванные уголовно-правовые нормы неоднократно пересматривались и уточнялись, однако до сих пор не представляется возможным говорить о сколько-нибудь единообразной практике их применения.

Однако вся глубина проблемы обнаруживается при сопоставлении результатов различных криминологических исследований и экспертных оценок с официальными статистическими данными. С одной стороны, криминологи, в том числе близкие к различным межправительственным структурам вроде Международной организации по миграции и Интерпола, приводят шокирующие цифры о многих тысячах и даже миллионах жителей разных стран, что ежегодно становятся жертвами торговли людьми и подвергаются эксплуатации; утверждается, что доходы, получаемые транснациональной организованной преступностью от совершения таких преступлений, превы-

шают бюджеты многих государств, так что по своей прибыльности данный вид криминального бизнеса сопоставим с незаконным оборотом оружия и наркотиков, а порой даже превосходит их. Торговля людьми официально признана одной из основных угроз безопасности как отдельных наций, так и всего человечества. С другой стороны, если обратиться к данным Единого учёта преступлений, то окажется, что в общем объёме зарегистрированной преступности доля таких посягательств на личную свободу ничтожна – их число никогда не достигало даже двух сотен среди тех 2–3 млн преступлений, что ежегодно регистрируются в России (см. таблицу 1, составленную по материалам официального сайта МВД России, раздел «Статистика и аналитика»). Такая же закономерность наблюдается и в других странах Восточной Европы и Центральной Азии, часто обозначаемых как «переходные общества».

Таблица 1

Количество зарегистрированных фактов торговли людьми и использования рабского труда в России (по данным Единого учёта преступлений)

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Торговля людьми (ст. 127 ¹ УК РФ)	17	60	106	104	54	94	103	50	70	66
Использование рабского труда (ст. 127 ² УК РФ)	8	20	19	35	10	8	15	17	17	13

В науке данному факту даются различные объяснения. Чаще всего говорят о высокой латентности торговли людьми, обусловленной её по преимуществу организованным характером; о недостатках законодательных решений, касающихся криминализации торговли людьми и преследования за неё; о многообразии проявлений такой деятельности, вследствие чего она порой получает правовую оценку по иным статьям уголовного закона; об отсутствии методик раскрытия и расследования данных преступлений, низкой квалификации сотрудников правоохранительных органов и их недостаточной осведомлённости о соответствующих уголовно-правовых нормах и т.п. С другой стороны, отмечается искусственная гипертрофированность проблемы и её патологическая политизированность. Так, видный сербский криминолог проф. Дж. Игнятович пишет: «Очевидно, что речь идёт большей частью о «навязанной теме»: богатые европейские государства имеют проблемы с массами людей из неразвитого мира, которые пытаются (хотя бы временно) достичь того уровня жизни, что имеют граждане этих стран. Восточной и Юго-Восточной Европе в таком «специфическом разделении труда» досталась роль «санитарного кордона», призванного сдерживать этот «натиск». Поэтому-то у нас и проводится столько спонсируемых из-за границы конференций, симпозиумов и исследований, издаётся столько работ на эту тему, что можно подумать, будто кроме торговли людьми и контрабанды мигрантов у нас нет никаких других форм преступности, заслуживающих внимания, – разве что ещё семейное (домашнее) насилие» [2, с. 139–140].

Думается, что все вышеперечисленные факторы в той или иной степени влияют на отмеченную пропасть между (не всегда объективным и беспристрастным) криминологическим знанием о торговле людьми и их эксплуатации и (тоже далёкой от совершенства) правоприменительной практикой. А это значит, что вопросы противодействия подобным криминальным проявлениям, включая его уголовно-правовые механизмы, остаются актуальными и практически значимыми, тем более что речь идёт о таких посягательствах, которые, даже если они

носят единичный характер, представляют огромную общественную опасность и требуют адекватной реакции государства на основе строжайшего соблюдения законности. Решение данной задачи немислимо без должного уяснения юридически значимых признаков торговли людьми и правильного решения вопроса о её соотношении со смежными составами преступлений.

Целью предлагаемой статьи является обнаружение «точек соприкосновения» между преступлениями торговли людьми и использования рабского труда для получения правильного представления об этих составах и, соответственно, для обеспечения верной квалификации таких общественно опасных деяний с учётом общих положений о совокупности и конкуренции. Для достижения поставленной цели используется главным образом юридико-догматический метод, однако, поскольку речь идёт о так называемых конвенционных преступлениях, имеющих универсальное значение, возникает необходимость прибегнуть к элементам сравнительно-правового исследования.

Изложение основного материала. При подготовке настоящей публикации авторы опирались на соответствующие положения уголовного законодательства России и зарубежных европейских государств, нормы международного права, а также на теоретические работы учёных-юристов, занимавшихся изучением интересующих нас криминальных феноменов.

Прежде всего, следует отметить, что и торговля людьми, и использование рабского труда – преступления международного характера, однако их закрепление в российском уголовном законодательстве является результатом имплементации международно-правовых норм, формировавшихся в разные исторические периоды. Если начало борьбы с «классическим» рабством и работорговлей на международном уровне связано с принятием на Венском конгрессе (1815 г.) Декларации держав о прекращении торгового неграми, то проблема так называемого «сексуального рабства» впервые была затронута в Международном договоре от 18 мая 1904 г. о борьбе с торговлей белыми рабынями. Это различие сохранялось на протяжении почти всего

XX в., поскольку международно-правовая борьба с посягательствами на личную свободу велась фрагментарно: с одной стороны, 25 сентября 1926 г. в Женеве под эгидой Лиги Наций была принята Конвенция о рабстве, действующая ныне с учётом изменений, внесённых протоколом от 7 декабря 1953 г., под наименованием «Конвенция ООН относительно рабства»; с другой стороны, имеется принятая 2 декабря 1949 г. Конвенция ООН о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами, в которой торговля людьми тесно увязана с содержанием домов терпимости и вовлечением в занятие проституцией. В 2000 г. принимается Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности вместе с дополняющим её Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё. Согласно ст. 3 данного Протокола, торговля людьми означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путём угрозы силой или её применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путём подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. При этом оговаривается, что эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов. В 2005 г. данные определения были практически дословно воспроизведены в ст. 4 Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми. Однако прежние международные договоры, предполагающие криминализацию работорговли и торговли людьми, формально не отменены и сохраняют силу. Здесь и кроется основной вызов для государств, стремящихся привести своё национальное законодательство в соответствие с принятыми международными обязательствами в данной сфере.

В научной литературе выделяют два пути имплементации определённых положений ратифицированных

международных договоров: 1) прямое заимствование, то есть текстуальное воспроизведение их в актах национального законодательства; 2) приспособление содержащейся в международном договоре нормы к специфическим условиям и потребностям той страны, в законодательство которой она вводится. Очевидно, что второй способ является предпочтительным, однако он более сложен и менее привлекателен в политическом отношении, поскольку связан с риском упреков от «международного сообщества» в связи с «неполным соответствием» национального законодательства той или иной конвенции. Поэтому имплементация нередко сводится к простому «переписыванию» конвенционных определений того или иного преступления, несмотря на то, что к разработке конвенций уголовно-правового характера зачастую подходят без должной внимательности и серьёзности, не говоря уже об откровенной политизированности и непоследовательности международного правотворчества, отсутствии в нём единой концепции и стройной системы [7, с. 26–27]. В результате в уголовном законодательстве ряда восточноевропейских стран появляются даже не конкурирующие, а откровенно коллидирующие нормы.

Так, например, в УК Сербии параллельно существуют ст. 388 «Торговля людьми» и ст. 390 «Обращение в рабство и перевоз лиц в рабском состоянии». Диспозиции этих статей гораздо шире, чем их названия: в обоих случаях перечисляются такие деяния, как перевозка людей, их покупка, продажа, передача и посредничество в совершении подобных действий, причём среди возможных целей торговли людьми прямо закрепляется не только эксплуатация труда жертвы, но и обращение в рабство или в подневольное состояние. В этой связи в сербской науке справедливо констатируется принципиальная невозможность в ряде ситуаций разграничить два вышеуказанных состава [6, с. 822]. Так же в этом плане обстоят дела и в других югославянских странах (ср. ст. 444 и 446 УК Черногории, ст. ст. 185 и 186 УК БиГ, ст. ст. 105 и 106 УК Хорватии, ст. ст. 418 и 418-а УК Македонии и др.).

Российскому законодателю в данном случае удалось избежать избы-

точной криминализации за счёт отказа от прямого заимствования положений Дополнительной конвенции ООН об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, 1956 г. при довольно близком к оригиналу воспроизведении формулировок Палермского протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми 2000 г. Однако нежелание или неготовность авторов новелл 2003 г. последовательно провести в УК РФ идею дифференциации уголовной ответственности участников торговли людьми и закрепить в ст. 1271 лишь подлинно исполнительские действия, сомнительные «усовершенствования» конвенционных формулировок [5] и широко распространённые речевые штампы, неадекватно отражающие (анти) социальную сущность данного явления, серьёзно осложнили решение вопроса о соотношении торговли людьми и использования рабского труда.

Не только в политических речах, но и в специальной литературе часто встречается фраза: «Торговля людьми – современная форма рабства» [8, с. 5; 9, с. 7]. Едва ли можно установить, кто первым предложил такую формулу. Ряд авторов [4, с. 99; 11, с. 120] ссылаются в этой связи на работу И.И. Карпеца «Преступления международного характера». Однако анализ данной монографии позволяет утверждать, что И.И. Карпец подобных суждений не высказывал, более того, его позиция по данному вопросу была скорее противоположной. Во-первых, данный автор немало пишет о «несовременности» торговли людьми, её многовековой истории и откровенно пережиточном характере в условиях нынешней действительности; во-вторых, в предлагаемом им определении торговли людьми, наоборот, рабство является её разновидностью: «Под этим обобщённым названием (торговли людьми. – *И.К., С.С.*) мы объединяем несколько составов преступлений международного характера. К ним относятся: рабство, работорговля (включая институты и обычаи, сходные с ними), а также торговля женщинами (в том числе эксплуатация проституции), торговля детьми и так называемый принудительный труд» [3, с. 166].

Полагаем, ни та, ни другая точка зрения не даёт правильного представ-

ления о соотношении двух интересующих нас составов преступлений. Даже если не вдаваться в подробный анализ положений уголовного закона, очевидно смысловая некорректность обоих высказываний. Рабство – это положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются все или некоторые полномочия, присущие праву собственности; то есть это особый статус потерпевшего, практически неотличимый от режима вещи (по этой причине, строго говоря, преступлением может быть всё что угодно: рабовладение, порабощение, работорговля, – но никак не рабство). Торговля людьми – это всё многообразие сделок в отношении человеческих существ, фактически их «хозяйственный оборот». В первом случае речь идёт о статике, во втором – о динамике; первое из названных явлений можно сравнить с вещным правом, второе – с обязательственным. Поэтому высказывания «торговля людьми – форма рабства» или «рабство – разновидность торговли людьми» столь же нелепы, как суждения «договор – это форма собственности» или «собственность – разновидность сделок». Ю.Е. Пудовочкин справедливо отмечает, что «рабство, предполагающее эксплуатацию человека человеком, является *следствием либо условием существования* торговли людьми, но не сутью самой этой торговли. Рабство (или иное подневольное состояние) следует за торговлей людьми, но сама торговля необязательно предполагает рабство, ибо может осуществляться и в иных целях (особенно торговля несовершеннолетними)» [4, с. 100]. Последнее верно потому, что российский законодатель объединил в одном составе (ст. 1271 УК РФ) все проявления торговли людьми – как «эксплуаторские», так и «неэксплуаторские», не разводя по разным статьям торговлю людьми с целью эксплуатации проституции и торговлю людьми с целью эксплуатации рабочей силы (ср. § 232 и 233 УК ФРГ), торговлю взрослыми и детьми (ср. § 236 УК ФРГ, ст. 418-а и ст. 418-г УК Македонии, ст. ст. 165 и 206 УК Молдовы, ст. ст. 388 и 389 УК Сербии и др.).

Объективная сторона торговли людьми выражается, согласно ст. 1271 УК РФ, в семи альтернативных действиях: купле-продаже человека, иных

сделках в отношении человека, его вербовке, перевозке, передаче, укрывательстве или получении. Любые последствия находятся за рамками основного состава, а сами действия неравнозначны: сделка (в том числе купля-продажа) является «центральной» действием, в котором выражается общественная опасность торговли людьми как таковой, в то время как остальные деяния представляют собой фактическое приготовление или пособничество. Это позволяет нам рассматривать состав торговли людьми не просто как формальный, а как усечённый [5], причём эксплуатация (в том числе использование рабского труда), предусмотренная как цель вышеперечисленных вспомогательных действий, находится за рамками данного состава (см. схему).

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 1272 УК РФ, состоит в использовании труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности. Иными словами, речь идёт об одной из разновидностей (форм) эксплуатации. При этом следует иметь в виду, что данная уголовно-правовая норма (в отличие, например, от ст. 167 УК Молдовы) не предполагает ответственности за содержание в рабстве как таковое: для осуждения по ст. 1272 УК РФ необходимо установить, что виновный не просто владеет, пользуется и распоряжается человеком как вещью, а обращает в свою пользу результаты его деятельности. Обязательным признаком анализируемого состава является отсутствие у потерпевшего возможности отказаться от выполнения работ (оказания услуг), плоды которых присваивает эксплуататор, без опасения за свои здоровье и жизнь. По существу, рабский труд – это труд, к которому человека принуждают и за который он не получает адекватного возмещения, даже если внешне его использование прикрыто трудовым договором, фиктивными документами об оплате и пр. Удержание потерпевшего является необходимым условием вменения ст. 1272 (именно оно придаёт всему преступлению делящийся ха-

актер), но недостаточным: для этого требуется ещё, чтобы имело место принуждение к труду. Имеются, однако, определённые сложности с установлением границ понятия рабского труда.

По мнению С.В. Громова, «характер выполняемой работы (физический или интеллектуальный, не запрещенный законом или противозаконный) значения не имеет. Противозаконной является, например, работа в подпольных цехах по производству наркотиков, оружия, контрафактной продукции и др.» [1, с. 28]. Т.С. Волчецкая и соавторы тоже отмечают, что деятельность по эксплуатации рабского труда «осуществляется в основном в неформальной и теневой экономике, в том числе: в «потогонном производстве» (производство игрушек, одежды и т.п. в тяжёлых условиях, в режиме конвейера, сверхинтенсивного труда и т.п.); в подпольных цехах и при производстве контрафактной продукции (компакт-диски, водка и т.п.); в домашнем хозяйстве (домашнее рабство); в сфере услуг, особенно в сфере досуга, ресторанном и гостиничном бизнесе; в судоходстве, в грузовых перевозках, рыбозаготовках; в строительной и деревообрабатывающей индустриях; работа в сельском хозяйстве; детский труд (мытьё машин, воровство и др.)» [9, с. 29].

На наш взгляд, столь широкое применение ст. 1272 УК РФ не имеет под собой никаких оснований: использование слова «труд» для характеристики систематического совершения преступлений представляется нам не просто проблематичным, а кощунственным. Поэтому понятием рабского труда ни при каких условиях не может охва-

тываться явно противозаконная деятельность подневольных людей, а их использование в качестве «живых орудий» для совершения преступлений, включая производство незаконных товаров и услуг, должно квалифицироваться не по ст. 1272 УК РФ, а по нормам особенной части, устанавливающим ответственность за иные преступления, по правилам о посредственном причинении и, кроме того, по ст. 127 УК РФ (незаконное лишение свободы). Эксплуатация же при производстве законных товаров и услуг в незаконной форме, при наличии к тому оснований, может расцениваться как использование рабского труда с дополнительной квалификацией по нормам об экономических преступлениях (незаконное предпринимательство, производство немаркированной продукции и т.п.). Точно так же нельзя считать использованием рабского труда принуждение к попрошайничеству с последующим изъятием милостыни, ибо выпрашивание подаяния не есть труд; такие действия при определённых условиях могут квалифицироваться по ст. 126 или ст. 127 УК РФ, а если потерпевшим является несовершеннолетний – то и по ч. 3 ст. 151 УК РФ. Кроме того, следует крайне осторожно относиться к выражению «сексуальное рабство», помня, что оно в любом случае не даёт оснований для таких рекомендаций: «...если условия жизни и занятия проституцией соответствуют критериям рабства, то лица, использующие эти занятия, подлежат уголовной ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 1272, 240 и (или) 241 УК РФ» [11, с. 356]. Дело не только в том, что занятие проституцией нельзя считать трудом с морально-этической точки зрения, но и в том, что в п. 2 примечаний к ст. 1271 УК РФ сексуальная эксплуатация и использование рабского труда упомянуты как две совершенно самостоятельные формы эксплуатации. Тем более нельзя подводить под ст. 1272 УК РФ использование женщин, находящихся в рабстве, в качестве доноров для искусственного оплодотворения или имплантации эмбриона, для вынашивания плода и рождения детей, равно как использование невольников в биомедицинских и иных экспериментах [11, с. 362]: повторимся, данная норма запрещает не рабство

как таковое и не эксплуатацию рабов вообще, а лишь одну-единственную её форму – эксплуатацию в качестве рабочей силы; иной подход означает применение уголовного закона по аналогии.

Обе статьи (ст. 127¹ и ст. 127² УК РФ) располагаются в разделе VII «Преступления против личности», в главе 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности», из чего можно сделать вывод, что родовая и видовой объекты двух этих преступлений идентичны. Вместе с тем непосредственный объект второго преступления по своему содержанию несколько уже: если торговля людьми, посягая на личную свободу человека, ставит под угрозу довольно широкий спектр личных неимущественных благ, то при использовании рабского труда имеет место посягательство, прежде всего, на свободу передвижения и на свободу распоряжаться своим трудом. В этой связи можно говорить о торговле людьми как о (потенциально) полиобъектном преступлении, а об использовании рабского труда – как о преступлении двуобъектном. Различие объективных признаков анализируемых составов определённым образом сказывается и на содержании субъективной стороны (несмотря на то, что в обоих случаях речь идёт о прямом умысле и, как правило, о корыстных мотивах и целях): учинитель торговли людьми осознаёт, что *распоряжается* человеком, как вещью, к чему в большинстве случаев присоединяется осознание абстрактной или реальной *возможности* эксплуатации потерпевшего и желание создать для этого необходимые условия; лицо же, использующее рабский труд, осознаёт *действительность* такой эксплуатации и желает *использовать* результаты деятельности подневольного человека в производственной, бытовой сферах или в сфере услуг.

Выводы. На основании проведённого догматического анализа можно прийти к выводу, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 127² УК РФ, реализуется цель эксплуатации, о которой идёт речь в ст. 127¹ УК РФ. Налицо, стало быть, такая реальная совокупность преступлений, при которой одно общественно опасное деяние (использование рабского труда) является следствием

другого (торговли людьми), обусловлено им, вытекает из него. Вместе с тем, содержание потерпевшего в рабстве и эксплуатация его труда делают возможным последующее его отчуждение в пользу другого эксплуататора, что означает другой вид реальной совокупности, когда одно преступление (использование рабского труда) создаёт условия для другого преступления (торговли людьми) [10, с. 164–168]. В любом случае, однако, речь должна идти именно о совокупности, ибо конструкция составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 127¹ и 127² УК РФ, не позволяет рассматривать их ни как общую и специальную нормы, ни как часть и целое.

Список использованной литературы:

1. Громов С.В. Некоторые вопросы квалификации преступлений – торговля людьми и использование рабского труда / С.В. Громов // Российский следователь. – 2005. – № 3. – С. 26–28.
2. Игњатовић Ђ., Шкулић М. Организовани криминалитет / Ђ. Игњатовић, М. Шкулић. – Београд : Правни факултет, 2010. – 349 с.
3. Карпец И.И. Преступления международного характера / И.И. Карпец. – М. : Юрид. лит., 1979. – 264 с.
4. Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за торговлю людьми по российскому уголовному праву / Ю.Е. Пудовочкин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 3. – С. 98–106.
5. Силаев С.А. Проблемы конструирования состава торговли людьми // Проблемы устойчивого развития регионов Республики Беларусь и сопредельных стран / С.А. Силаев. – Могилёв : МГУ им. А.А. Кулешова, 2014. – С. 194–201.
6. Стојановић З. Коментар Кривичног законика / З. Стојановић. – 3-е доп. изд. – Београд : Службени гласник, 2009. – 886 с.
7. Стојановић З. Процес стварања кривичног законодавства и сузбијање криминалитета З. Стојановић // Стање криминалитета у Србији и правна средства реаговања. Део III. – Београд : Правни факултет, 2009. – С. 13–31.
8. Торговля людьми: социокриминологический анализ / под общ. ред.

Е.В. Тюрюкановой, Л.Д. Ерохиной. – М. : Academia, 2002. – 224 с.

9. Торговля людьми в Калининградской области: постановка проблемы, противодействие, профилактика / под ред. Т.С. Волчецкой. – Вильнюс : Моксло Айдай, 2007. – 139 с.

10. Черненко Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики. – 2-е изд., перераб. и доп. – Кемерово : КемГУ, 2012. – 188 с.

11. Энциклопедия уголовного права : в 15 т. – СПб. : Изд. проф. В.Б. Малинина, 2010– . – Т. 14 : Преступления против свободы, чести и достоинства личности – 630 с.